

ЗВОНОК НА УРОК

М. БРОДСКИЙ,
главный библиотекарь РГДБ

Трудные места в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”

(В помощь школьному библиотекаря и учителю)

15 мая 2001 года исполняется 110 лет со дня рождения выдающегося писателя XX века М.А. Булгакова. Отметить это событие в библиотеке или школе можно, в частности, проведением одной или нескольких бесед, посвященных анализу, пожалуй, самого любимого учащимися произведения школьной программы – романа “Мастер и Маргарита”. В основе предлагаемого материала лежит опыт проведения занятия по данной теме в дискуссионном клубе старшеклассников, уже более 10 лет работающем при Российской государственной детской библиотеке. Материал может быть использован и как макет обсуждения (вопрос – варианты ответа – комментарий ведущего), и как справочное пособие, содержащее если не окончательные, то во всяком случае аргументированные ответы на реально возникающие вопросы.

ВЕДУЩИЙ: Все великие произведения многомерны: вроде ты их уже прочитал и успел восхититься (или, наоборот, с чем-то не согласишься), но остаются “белые пятна”, вопросы, ответы на которые ты так и не нашел, хотя и понимаешь, насколько это важно для более точного, адекватного авторскому замыслу восприятия произведения. М.А. Булгаков любил, как известно, мистифицировать своих читателей, друзей и знакомых. Стоит ли поэтому удивляться, что его главный роман полон “недосказанностей”, рассчитанных на определенный уровень знаний и просто догадливость читателей. За что, например, великого философа Иммануила Канта следовало бы отправить “года на три в Соловки”? Случайно ли речь заходит именно о нем, причем на первых же страницах романа? Почему Мастер “не заслужил света”, хотя менее симпатичный Левий Матвей его как будто бы “заслужил”? Почему Воланд (Сатана?) вызывает у нас явную

симпатию, тогда как Иешуа Га-Ноцри (Иисус, Сын Божий?) скорее жалость, чем поклонение? Нет ли тут “богохульства” и “кошунства”, в чем автора романа обвиняли и обвиняют до сих пор? Как вообще в романе (и в нашей жизни) соотносятся такие понятия, как добро и зло, насилие и милосердие, личная свобода и государственная власть? Ясно, что ответить на эти и другие вопросы вряд ли возможно без сопоставления текста романа с содержанием Священного Писания, а также без учета особенностей той эпохи, которую автор так гениально отразил, соединив вечное и злободневное.

Начнем с начала. Патриаршие пруды. Встреча Берлиоза и Бездомного с Воландом:

– Но, позвольте вас спросить, – после тревожного раздумья заговорил заграничный гость, – как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?

– Увы! – с сожалением ответил Берлиоз, – ни одно из этих доказательств ничего не стоит... Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может.

– Bravo! – вскричал иностранец, – bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над собою, соорудил собственное шестое доказательство!

– ...Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич

– Иван! – сконфузившись, шепнул Берлиоз.

Но предложение отправить Канта в Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело в восторг (1, 15).

ВОПРОС: Так за что же “старика Иммануила” следовало бы отправить “года на три на Соловки”?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Простой ответ: за то, что он доказывал то, что доказывать не полагалось – что Бог есть.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Здесь может быть заложена более глубокая мысль. По Канту логические доказательства бытия Божия действительно ничего не доказывают, ибо человеческий разум слишком ограничен, чтобы осмыслить существ-

ование Высшего Разума. Зато есть так называемый “категорический императив” (то самое шестое доказательство!) – нравственное повеление человеку **свыше** относиться к себе и окружающим как к цели, а не средству осуществления даже самых благородных общечеловеческих идей. Самоценна, утверждал Кант, не идея, а личность. Как такие мысли могли восприниматься в “эпоху развернутого строительства коммунизма”, понятно. Так что классовое чутье Ивана не подвело. С этой точки зрения Канта действительно следовало бы отправить кой-куда вслед за многими.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: В приведенном отрывке М.А.Булгаков исторически точно отразил две позиции, два отношения к философскому и, шире, вообще к мировому духовному наследию, доминировавшие в советском обществе тех лет. Это, во-первых, позиция М. Берлиоза, идеологического работника, для которого классическая немецкая философия – всего лишь достойный фундамент, над которым возвышается подлинно научная философия – марксизм-ленинизм. Во-вторых, позиция И. Бездомного (“простого советского человека”, которому все в этой жизни уже ясно) – неприятие любой другой точки зрения, и потому у него ксенофобия на “ширко грамотных”. И вот, что интересно: столкнувшись с непонятым явлением, оба они используют один и тот же “зашоренный” метод познания: не исследуют само явление (нечистую силу!), а подставляют к нему уже известные “клише”: иностранец? шпион? историк? А Волад им говорит: “Я – историк... Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!” (1, 19). Здесь очевидна авторская издевка.

ВЕДУЩИЙ: Кроме того, М.А.Булгаков таким образом устанавливает “правила игры” (экспозицию), по которым мы должны воспринимать роман: “зашоренный” читатель, подобный Берлиозу или Бездомному, его, конечно же, не примет и не поймет, как не поймет он и загадочной фразы Волада. Вспомним, что он сказал:

– “Имейте в виду, что Иисус существовал.

– Видите ли, профессор, – принужденно улыбнувшись, отозвался Берлиоз, – мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения.

– А не надо никаких точек зрения! – ответил странный профессор, – просто он существовал, и больше ничего.

– Но требуется же какое-нибудь доказательство... – начал Берлиоз.

– И доказательств никаких не требуется... Все просто: в белом плаще...” (1, 19), и так далее.

ВОПРОС: А в каких случаях доказательства не требуются?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Например, для аксиом в математике.

ВЕДУЩИЙ: Нет. В науке доказательства как раз требуются. Просто в данном случае мы для удобства договариваемся их (пока!) не искать.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Доказательств не требуется в том случае, когда речь идет о вере, например, религиозной. Правда, в романе вопросов религиозной веры Булгаков не касается или, лучше сказать, оставляет открытыми: в “библейских” главах (особенно это заметно в сравнении с другими, “московскими” главами) о чудесах говорится как бы вскользь, неопределенно (Иешуа, например, вылечивает Пилата словами, обычными для любого гипнотизера; подробнее об этом см. 13,294 и др.), а о Воскресении Христовом не сказано вообще ничего, хотя оно и не отвергается.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Доказательств не требуется при художественном “угадывании” (например, в исторических романах). Ведь художник создает не научный труд, и, следовательно, имеет право на литературный вымысел. Так, скажем, А.С. Пушкин “угадывал” Пугачева, а Л.Н. Толстой – Кутузова. Так же и Мастер “угадал” библейские события.

ВЕДУЩИЙ: Да, но “Мастер и Маргарита” – роман особый. Вспомним, что Воланд говорит Мастеру: “Тот, кого так жаждет видеть выдуманый вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочел ваш роман” (1, 308). Получается, что Понтий Пилат – “выдуманный” герой “угаданных” событий, плод художественной фантазии (реальный прокуратор Иудеи, по свидетельству историков, мало чем напоминал героя романа). Другое дело – Иешуа, который является и героем и прототипом, существующим вне романа, он даже участвует в судьбе автора, так точно “угадавшего” его мысли и внешний облик. А вот судьбу литературного героя Пилата, как и положено, решает художник. Правда, сам этот художник (Мастер) вместе с Воландом, Иешуа и другими тоже является героем, но уже другого романа. Вот такая “матрешка” получается. Значит и применительно к роману “Мастер и Маргарита” тоже “доказательств никаких не требуется”. Например, к его библейским персонажам.

ВОПРОС: Кто из героев романа описывал евангельские события?

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ: Мастер, Иван Бездомный, возможно, Берлиоз и, конечно, их “очевидец” Левий Матвей.

ВОПРОС: А кто их “угадал”? Только Мастер? С Берлиозом и Бездомным все ясно – они и не ставили себе такой цели. А Левий Матвей?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Нет, он не “угадал”. Так считают Иешуа и Понтий Пилат, которому с трудом удалось “разобрать, что записанное представляет собой несвязную цепь каких-то изречений, каких-то дат, хозяйственных заметок и поэтических отрывков” (1,265).

ВОПРОС: Так за что же Левий Матвей “заслужил свет”?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Булгаковский Матвей, конечно, не обладает даром писателя, но ведь что-то побуждает его писать на своих козлиных пергаментях? Что именно? Одним графоманством здесь всего не объяснишь. Матвей – может быть, единственный из героев романа, сознающий высочайшую ценность пребывания на земле своего учителя Иешуа Га-Ноцри и стремящийся хоть как-то, хоть с помощью своих “малохудожественных” записей сохранить присутствие света в этом темном царстве. Конечно, он человек ограниченный, но честный. Воланд называет его рабом, но он раб не кого-нибудь, а именно Иешуа Га-Ноцри, преданный, последовательный и бескорыстный. В этом смысле Левий Матвей – несомненно человек “света” или, лучше сказать, отражающий, как Луна, истинный свет.

ВОПРОС: А вот Мастер “не заслужил света, он заслужил покой” (1,290). Почему?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: В.Я. Лакшин в качестве возможной причины называл то, что Мастер, “подобно Ренану (автору популярной в начале века книги “Жизнь Иисуса” – авт.) не стал говорить о главном чуде Евангелия – Воскресении. Может быть, оттого-то из-за неверия в чудо, неполной веры в главный догмат христианства Мастер и заслужил лишь “покой” (9,262).

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Покой более высокая награда, “чем традиционный свет”. Ибо покой, дарованный мастеру, – это покой творческий. Наслаждаться “голым светом” способен лишь ограниченный и догматичный Левий Матвей... Это осознает Иешуа и потому просит Воланда... наградить мастера покоем” (11,151).

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Действительно, Воланд дарует Мастеру возможность спокойно и беззаботно “писать при свечах гусиным пером” (1,308). Только вряд ли “состарившийся Фауст” (выражение Александра Панченко) воспользуется этой возможностью. Уж очень его покой напоминает прекрасное, но остановившееся мгновение с вечно цветущей вишней, вечно зву-

чащей мелодией Шуберта и... вечно лежащим на столе гусиным пером. Ведь свой роман о Понтии Пилате Мастер уже завершил, и о чем и кому он будет писать дальше – неизвестно. Да и, вообще, можно ли творить в состоянии покоя или лучше, когда “покой нам только снится”?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Мастер именно “не заслужил света”, потому что не достоин его. И это, кстати, решение не “догматичного” Левия Матвея, а самого Иешуа Га-Ноцри, который олицетворяет в романе “свет”, как царство высшей добродетели. А Мастер – не праведник и не грешник, он всего лишь человек, уставший от преследований за свое “неактуальное” творчество и желающий (в отличие от Левия Матвея!) только “свободы и покоя”. Покой он заслужил, потому что “угадал”.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: У нас есть основания считать Мастера лирическим героем М.А. Булгакова. Тогда, может быть, сопоставление в романе двух человеческих типов, художника (Мастера) и ортодокса, “человека идеи” (Левия Матвея) в чем-то отражает отношение самого М.А. Булгакова к своим тогдашним оппонентам. Мастер и Матвей не противостоят в романе друг другу. Левий даже просит Воланда устроить судьбу Мастера и его возлюбленной. Во всяком случае они не враги, не антагонисты, хотя легко предположить, что читали друг друга. Возможно, Булгаков таким образом как бы протягивает руку своим гонителям, говоря: “Я не против вашей веры в светлое коммунистическое будущее, я не выражаю сомнений в вашей искренности, но я – художник, и потому считаю себя вправе не воспитывать и вдохновлять читателя, а просто писать о том, что волнует лично меня”.

ВЕДУЩИЙ: Вполне может быть. Ведь М.А. Булгаков жил в не лучший период нашей истории, когда открытое противостояние всесильным берлиозам и семплеяровым было бессмысленным, и он мог лишь просить (как, например, в письме Правительству СССР – 5,497-500) не отторгать его окончательно от своих читателей и зрителей, дать возможность зарабатывать на жизнь. Не будем торопиться упрекать великого писателя за такую позицию. Для него это был единственный шанс сохранить хоть какую-то внутреннюю свободу, пусть даже ценой компромисса. Возможно, тут было проявление слабости, которую он сам осознавал. Не исключено, что и по этой, личной причине его лирический герой “не заслужил света”. Лидия Яновская, хорошо знавшая Е.С. Булгакову, жену писателя, высказала такое предположение: “На могиле Булгакова креста нет... Заподозрить Елену Сергеевну в боязни нельзя: она никогда и

ничего не боялась, тем более если речь шла... о его последней воле. Значит все сделано так, как он хотел. Может быть, он действительно считал, что не заслужил света, а заслужил покой?”(7,30).

ВОПРОС: Уточним, однако, вопрос о “богохульности” романа, и для этого соотнесем его с первоисточником – Библией. Откроем вторую главу (“Понтий Пилат”) и сравним ее с соответствующими главами Священного Писания (Мф.27; Ин.18-19; Лк.23; Мк.15). В чем разница?

(Желательно, чтобы ведущий, читая текст романа, предложил участникам обсуждения, знающим или имеющим на руках текст Евангелия, перебивать его, как только они обнаружат несоответствие. Роман, как мы помним, содержит массу исторических терминов (“прокуратор”, “кентурия”, “ала”, “легион” и других), описание дворца Ирода Великого от “мозаичного пола у фонтана” до “запахов кожи и конвоя”, вопрос Пилата: “Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?”(1,20 – имеется в виду правитель Галилеи, тетрарх или, что одно и то же, четвертовластник Ирод Антипа, сын Ирода Великого) и многое другое – все это никак не противоречит Евангелию, а лишь детализирует его. Несовпадения начинаются с описания участников библейских событий и, прежде всего, самого Христа. Здесь Булгаков откровенно отходит от Евангелия, причем делает это постепенно: сначала мы узнаем имя и прозвище арестованного – Иешуа Га-Ноцри, что у подготовленного читателя возражений еще не вызывает: так именовали Иисуса Христа в иудейских книгах. Но указание на возраст “человека лет двадцати семи” и другие его “анкетные данные” (родных не помнит, отец вроде бы сириец и т.п.) уже явно расходятся с первоисточником. А его слова “Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он (Левий Матвей – авт.) неверно записывает за мной”(1,23), окончательно устанавливают “правила игры”: излагается “подлинная” история евангельских событий, тем более, “что ровно ничего из того, что написано в Евангелиях, – как утверждает “свидетель событий” Воланд, – не происходило на самом деле никогда” – 1,39).

ВОПРОС: Можно ли считать обнаруженные несоответствия полемикой со Священным Писанием или даже дискредитацией его?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Конечно, можно. Во-первых, автор фактически ставит под сомнение бо-

говдохновенность евангельских текстов (Левий, заметим, носит имя одного из евангелистов – Матфея). Во-вторых, немощный и забитый Иешуа выглядит грубой и кощунственной пародией на Сына Божьего Иисуса Христа. Особенно если его сравнить с обаятельным и всесильным Воландом. Не зря А.И. Солженицын называл роман “евангельской историей, увиденной глазами Сатаны”(8,268).

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Зачем ставить автора “Мастера и Маргариты” в один ряд с “богоборцами”, вроде Берлиоза или Бездомного, имевших, кстати, реальных прототипов, вроде Емельяна Ярославского и Демьяна Бедного? М.А.Булгаков не только прекрасно знал библейскую историю, но и сам, по воспоминаниям близких, был человеком верующим. Так что логичнее предположить, что своими “несовпадениями” он уточняет “правила игры”, как бы предупреждая читателя: это не пересказ Священного Писания, а самостоятельное повествование, где возможны новые сюжетные повороты, новые герои и оценки.

ВЕДУЩИЙ: Уточним проблему. Сегодня в кощунстве кто-то обвиняет и авторов рок-оперы “Иисус Христос – суперзвезда” и вообще создателей любых киноверсий или театральных постановок на евангельский сюжет. Здесь ответ простой: это художественные произведения, а им, как мы выяснили, “доказательств никаких не требуется”, все зависит от субъективного восприятия Библии и ее интерпретаций конкретным человеком, художником или читателем. Другой вопрос (и это, наверное, и имел в виду А.И. Солженицын): насколько по-христиански решаются нравственные и религиозные проблемы в данном художественном произведении?

ВОПРОС: Насколько взгляды и облик бродячего философа Иешуа Га-Ноцри соответствуют христианскому учению? Как соотносится булгаковский герой с евангельским Иисусом Христом?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Иешуа совсем не похож на Мессию, Помазанника Божия: он никак не проявляет своего предназначения и не обосновывает своей божественной сущности, тогда как Иисус, например, в разговоре с фарисеями, уточняет: Он не просто Мессия, Он – Сын Божий, Господь (Мф.22,41-46).

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Иешуа поразительно одинок, хотя открыт всем людям. Если у евангельского Христа были толпы последователей, были ученики, которых можно назвать подлинными преемниками, то у Иешуа нет никого. Даже память о нем, не совершившем ни одного недоброго поступка, сказавшего перед смертью, что

“он никого не винит”(1, 266), не вызывает ни у Левия Матвея ни у Понтия Пилата желания хотя бы не убивать провокатора Иуду.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Мы не можем представить Иешуа Га-Ноцри, изгоняющим торгующих из храма или гневно обличающим своих оппонентов, как это делал Иисус (подробнее об этом см.3,493). Слова и поступки Иешуа совершенно лишены агрессивности. Он – человек, проповедующий Любовь, в то время как Иисус – Мессия, утверждающий Истину.

ВЕДУЩИЙ: Уточним: нетерпимость Христа проявляется лишь в вопросах веры. В отношениях же между людьми Он учил: “...не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую”(Мф.5,39). Апостол Павел так комментирует эти слова: “Не будь побежден злом, но побеждай зло добром” (Римл.11,21), то есть борись со злом, но при этом не преумножай его сам.

ВОПРОС: Как толкуется эта заповедь Иисуса Христа в романе “Мастер и Маргарита”? Можем ли мы сказать, что слова апостола Павла применимы к Иешуа Га-Ноцри, булгаковскому Христу?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Безусловно, применимы. Более того, Иешуа всей своей жизнью доказывает удивительную привлекательность добра: оно уязвимо, но не презираемо, потому что трудно презирать кого-то, если он, не зная тебя, верит в твою изначальную доброту, расположен к тебе. Это даже не “презумпция доброты”, когда ты хорошо относишься к человеку, пока, узнавая его, не “скорректируешь” свою оценку (что само по себе, наверное, неплохо), а именно доброе отношение ко всем и всегда. Разве такая позиция противоречит духу Нагорной проповеди Иисуса Христа (Мф.5-7)? Нет, и М.А.Булгаков, вслед за Л.Н. Толстым, так, скорее всего, и считал.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Иешуа совершенно беззащитен перед жестокостью, цинизмом, предательством, хотя мы и не можем упрекнуть его в бездействии: он готов говорить с каждым, ищет встреч с людьми. Просто он слишком добр.

ВОПРОС: Что же тут хорошего? Разве можно в нашей реальной жизни противостоять злу, не допуская насилия?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Нет, конечно, и чисто моральной победой удовлетворятся немногие. Но, по Булгакову, добро не должно быть “с кулаками”. Ни в каком случае.

ВЕДУЩИЙ: Возможно, тут проблема, которую тонко почувствовал автор: как только добро (кроме милосердия, бескорыстия и прочих

"ненасильственных" достоинств) становится "с кулаками", то есть начинает давать сдачи, получает право на конфликт, оно тотчас же открывает лазейку для всякого рода оправданий в большом и малом (примеров тому каждый из нас приведет множество). А там, где есть оправдание, покаяния уже не требуется и совесть спит спокойно. Но может ли называть себя христианином человек не совестливый, избегающий покаяния? Поэтому, наверное, в романе "Мастер и Маргарита" добро и насилие – разные понятия, никак не соприкасающиеся. Насилие – это из другой, "теневой" стороны человеческой жизни.

ВОПРОС: Почему в романе неконфликтного Иешуа Га-Ноцри ожидает та же участь, что и "конфликтного" Иисуса Христа? Кто может мешать абсолютно добрый человек?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Возможно, здесь М.А.Булгаков подсказывает нам: распятие Христа – вовсе не следствие Его нетерпимости в вопросах веры. Дело в чем-то другом, более существенном. В "нормальной" земной жизни, считает Воланд, "голый свет" невозможен, если только не "ободрать весь земной шар" (1, 296). Но абсолютный, "голый" свет – это Иешуа-Иисус, безгрешный Сын человеческий. Значит, жить среди людей, имея абсолютные достоинства, невозможно.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Действительно, Иешуа мог избежать своей участи, если б Понтий Пилат сумел преодолеть в себе трусость, если б Марк Крысобой осознал бессмысленность своей жестокости и все люди, от раба до кесаря, избавились бы от своих пороков. Тогда и первосвященник Каифа наверняка бы успокоился: его народу, как и всем другим, уже ничего бы не угрожало. Но это было бы уже то самое идеальное царство света, о котором так иронично говорил Левию Матвею "знающий жизнь" всеумудрый Воланд. Вот почему тоска слышится в словах Понтия Пилата, загнанного в угол "непонятливостью" своего арестанта: "О боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твое место?"(1,30). Как сейчас говорят, "все повязаны".

ВЕДУЩИЙ: Следовательно, по мнению автора романа, гибель Иешуа Га-Ноцри предопределена его отношением к земной власти, или, точнее, к тому жизненному укладу, который эта власть олицетворяет и поддерживает. Сравним: Христос четко разделял "кесарево" и "богово"(Мф.22, 21). Тем не менее именно земная, "кесарева" власть – светская (наместник Рима) и церковная (Синедрион) – приговаривают Его к смерти за земные(!) преступления: Пилат осуж-

дает Христа как государственного преступника, якобы претендующего на царский престол, хотя сам в этом сомневается; Синедрион – как лжепророка, богохульно называющего себя Сыном Божиим, хотя, как уточняет Евангелие, на самом деле первосвященники желали ему смерти "из зависти"(Мф.27,18) и, конечно, из опасения, как бы новое мессианское движение не вызвало недовольства, а то и репрессий со стороны Рима (Ин.11,50).

А Иешуа Га-Ноцри противостоит власти, претендует на нее? Нет, конечно, Правда, он оценивает ее прилюдно как "насилие над людьми" и даже уверен, что когда-нибудь ее, власти, может и не быть вовсе. Но такая оценка, если задуматься, сама по себе не так уж опасна: когда еще это будет, чтоб люди могли совсем обходиться без насилия? Тем не менее именно слова о "невечности" существующей власти становятся формальным поводом (не причиной, а именно поводом, как и с Иисусом Христом!) его гибели. То есть причины, по которым их гибель неизбежна, очень близки.

ВОПРОС: Что же это за причины? Чем не устраивают власть Иисус Назарянин и Иешуа Га-Ноцри?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Тем, что они живут по законам любви к людям. А законы эти для власти не свойственны и невозможны, причем не римской или какой-то другой, а для власти вообще, как таковой. Ведь, если б мы жили по принципу "как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" (Мф.7,12), власть кого-то третьего нам была бы просто не нужна. Если б мы были и так добры и предупредительны друг к другу, зачем отдавать кому-то часть своей свободы "для поддержания порядка"? Другое дело, когда мы ждем от ближнего своего чего-то недоброго, коварного и сами не прочь "сыграть на опережение". Тогда, действительно, прав Каифа, называя Иешуа "обольстителем народа"(1,34).

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Иешуа Га-Ноцри не просто свободный человек, он излучает свободу. Он самостоятелен в своих суждениях, искренен в выражении своих чувств так, как может быть искренен только абсолютно чистый и добрый человек. Даже перед лицом смертельной опасности он замечает Пилату: "Правду говорить легко и приятно"(1,28), хотя никто его об этом не просит. Пилату правда как раз и не нужна. В этом эпизоде отчетливо видно, насколько они, Иешуа и Пилат, – антиподы. Ведь трусость (не чувство страха, а трусость как поступок) является, наверное, самым бесспорным проявлением внутренней несвободы.

ВОПРОС: Итак, можем ли мы утверждать, что М.А.Булгаков противопоставляет своего героя евангельскому Иисусу Назарянину, Сыну Божьему?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Образ Иешуа Га-Ноцри во многом близок к распространенному на рубеже XIX-XX веков толкованию Иисуса Христа прежде всего как идеального человека. Поэтому, если не касаться религиозной стороны вопроса, ответ несомненно отрицательный.

ВЕДУЩИЙ: Обратим внимание: автор, “угадывая” евангельскую историю, “конкретизирует” ее, помогая нам лучше понять содержание (разумеется, так, как он его себе представляет). Например, булгаковский Христос (Иешуа Га-Ноцри) лишен ореола божественного величия, тем не менее он вызывает у нас уважение и любовь – настолько велика притягательная сила его личности и суждений. Он далек от любых проявлений насилия, потому что иначе его доброта и чистота не были бы абсолютны: ведь он не Бог, говорящий: “Я есмь истина” (Ин.14,6), но праведник, к которому, как к идеалу, недостижимому, но желанному, стремится каждый человек. Наконец, его смерть на кресте выглядит в романе вполне закономерной: он слишком добр, слишком свободен, чтобы жить в нашем греховном мире. А значит ему, как и его Прообразу, как и князю Мышкину из “Идиота” Ф.М. Достоевского и другим похожим литературным героям нет места на земле.

ВОПРОС: Кто же при таком “непротивленческом” толковании христианского учения (с которым, кстати, могут согласиться далеко не все) противостоит злу на этой земле?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Воланд-Сатана. На это указывает эпиграф романа из “Фауста” И.В. Гете: “... Так кто ж ты, наконец?/ – Я – часть той силы,/ что вечно хочет зла/ и вечно совершает благо”(1,10).

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Но Мефистофель у Гете, как и Сатана в Библии (см. например, Иов 1,6-12, Мф.4,1 и др.), хотя и противостоит Богу, но “не на равных основаниях, не как божество или антибожество зла, но как падшее творение бога и мятежный подданный его державы, который только и может, что обращать против бога силу, полученную от него же и против собственной воли в конечном счете содействовать выполнению божьего замысла – “творить добро, желая людям зла”(4,412). А такое понимание Сатаны вряд ли подходит булгаковскому Воланду.

ВЕДУЩИЙ: Это справедливо. Более того, если обратиться к ранним редакциям романа, то хорошо видно, как Булгаков постепенно, но уве-

ренно отходит именно от такого толкования образа Сатаны в сторону дуалистических ересей, признававших равенство добра и зла в мире, издавна существовавших в истории христианства (например, у гностиков) и нашедших отражение в “Божественной комедии” Данте Алигьери (подробнее см., в частности, 6,80-83). Причина такого отступления может быть только одна: Булгаков отдаляет Воланда от Мефистофеля (Сатаны) в поисках более точного осмысления природы добра и зла и их соотношения между собой в реальной земной жизни.

ВОПРОС: Как же соотносятся в романе добро и зло? В разговоре с недружелюбным своим гостем Воланд произносит такие слова: “Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, как бы выглядела земля, если б с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей”(1,290). А Иешуа считает, что “злых людей нет на свете”(1,26). Кто из них прав?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Отсутствие теней, то есть человеческих слабостей и пороков, равносильно, по Воланду, отсутствию признаков жизни. И здесь мудрейший “дух зла и повелитель теней”(1,290) безусловно прав: человек действительно греховен.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Воланд говорит Левию: “Что бы делало твое добро...?”. Ну а что делало бы зло, если б не было добра? – спросим мы. Без него вообще “заглохла б нива жизни”. Кстати, в одном из черновых вариантов романа (1934) есть одна фраза: “Свет порождает тень, но никогда, мессир, не бывало наоборот”(10,71). Так что прав и Иешуа, ибо первично все-таки добро, доброе начало в душе каждого человека. Как сказано в Писании: “И свет во тьме светит, и тьма не объяла его” (Ин.1,5).

ВАРИАНТ ОТВЕТА: О соотношении добра и зла в реальной земной жизни говорит в романе сам Воланд: “Каждое ведомство должно заниматься своими делами”(1,229). То есть он (Сатана) – “князь мира сего” (Ин.12,31), а Иешуа Га-Ноцри, как и его Прообраз, мог бы сказать: “Царство Мое не от мира сего” (Ин.18,36). “Мир сей” – это территория Воланда. Там живут грешные люди и неизбежно насилие, там он всемогущ, потому что всевластен над теневой стороной нашей жизни. И противостоит он Иешуа, как противостоит земная Власть чистому неземному свету Абсолютного Добра, как противостоит в самом человеке “свет” нравственного совершенства и “тьма” житейского “реализма”.

ВОПРОС: А как понимать эпиграф романа? Можем ли мы сказать о Воланде, что он – “часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Если понимать строки из “Фауста” как диалектическую формулу соотношения добра и зла, Воланд – в конечном счете – действительно совершает благо. Ведь первично в этом мире все же добро, а олицетворяющий теневую сторону жизни булгаковский герой искушает людей, разоблачает и наказывает порок – вершит праведный суд.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Хочет ли он зла людям? В прямом смысле – нет. Иначе как бы такой человеконенавистник вызывал у нас симпатию? Наверняка исчезло бы и обаяние его свиты. И все же о Воланде вполне можно сказать, что он “вечно хочет зла”. В том смысле, в каком прокурор хочет зла (справедливого наказания) подсудимому.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Самое существенное: ни Воланд, ни его свита не творят зла между людьми. Мы помним: что-то было разрушено, подожжено, “свистнуто”, как выразился “бывший регент” Коровьев. Возможно, это и есть “часть той силы”, дьявольской, воландовой силы, которая может творить зло на земле (стихийные бедствия, например). Но другая, и главная, часть силы зла исходит от самого человека, способного предавать, лгать, убивать себе подобных (сравним со словами Евангелия: “Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства,... кражи, лжесвидетельства, хуления” — Мф.15,19). Кто из героев романа может искренне сказать о себе, что его заставили сделать то, чего он сам не хотел (“бес попутал” и т.п.)? Степа Лиходеев? Никанор Иванович Босой? Женщины, пришедшие в Варьете? Никто. Это их выбор.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Воланд не противостоит злу, не занимается его искоренением (что и невозможно, ибо зло вечно в этом мире), но он и не поощряет его. И еще: Воланд никогда не совершает, но и не мешает совершать милосердные поступки. Милосердие тоже творят люди, не лишенные света в своих душах (Маргарита, Мастер).

ВОПРОС: В чем же секрет его обаяния? Почему он вызывает у нас симпатию?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Конечно, не потому, что нам симпатична “тенивая”, греховная сторона нашей жизни. И не потому, что мы уважаем силу, испытываем рабский восторг перед тем, кто может по своему желанию опозорить кого угодно, напугать, а то и убить. Во всяком случае ни Маргарита, ни Мастер ничего подобного не испытывают. Секрет обаяния Воланда – в его мудрости и справедливости.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Он покровительствует Маргарите и Мастеру, Любви и Таланту. Словом, булгаковский Сатана предстает перед нами не столько “исчадием ада”, сколько идеальным земным правителем.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Воланд не всегда вызывает у нас симпатию. Например, когда несоизмеримо жестоко наказывает Берлиоза. Когда мы читаем, как Маргарита увидела голову Берлиоза “с выбитыми передними зубами”(1,220), увидела, “содрогнувшись..., живые, полные мысли и страдания глаза”(1,221), мы не с Воландом. Потому что в данном случае он использует свое могущество для безжалостной расправы над своим идейным (всего лишь!) противником, никого, кстати, не убившим и не предавшим. Пусть Воланд прав, говоря, что “каждому будет дано по его вере”(1,221), пусть “материалистическая вера” Берлиоза действительно заслужила “небытия”, но, согласимся, уход его мог бы быть менее мучительным.

ВЕДУЩИЙ: Какой вывод можно сделать из сказанного? Во-первых, такой: Воланд представляет собой дьявольскую силу, то есть силу, лишенную милосердия, и потому его привлекательность обязательно будет иметь свои границы. Во-вторых, в образе Воланда легче разглядеть не столько авторские размышления о свойствах нечистой силы, сколько его оценку-обращение к реальным властителям мира сего. Например, к И.В. Сталину, которого многие исследователи называют в числе прообразов “князя тьмы” и которого М.А.Булгаков, судя по воспоминаниям близких, желал видеть среди читателей своего романа (“У М.А.... начинает зреть мысль... выправить роман (“Мастер и Маргарита”), представить его наверх” – записала в своем дневнике Е.С. Булгакова – 7,172).

Не здесь ли заключена разгадка необычного образа “князя тьмы”? Известно, что отношения между Булгаковым и Сталиным были довольно своеобразными, во многом напоминающими, как заметила М.О. Чудакова, отношения Петруши Гринева к Емельяну Пугачеву, с тем только отличием, что “благодетель”-“кровопийца” на этот раз победил окончательно. А самому писателю после позорного запрета пьесы “Батум” было брошено “будто Гринева от Пугачева в переписанной навыворот “Капитанской дочке” обвинение в неискренности, а значит – продажности, в приспособленчестве. И возразить было не только некому, но и нечего”(12,12).

На самом же деле все обстояло намного сложнее. Тогда, в 30-е годы, многие интеллектуалы и у нас в стране и за рубежом виде-

ли в Сталине реальную силу, способную противостоять внешним и внутренним угрозам. Да и “личное персональное отношение к власти повело... к зачарованности властителем и Булгакова, и Пастернака”(12,12)...– список можно легко продолжить другими, не менее достойными именами. “Зачарованность” – точное слово. Не обожествление, не любовь, не ненависть, не преклонение, а почти неосознанное чувство к земному властителю, сильной личности.

А Воланд в романе тоже обладает реальной силой, но пользуется ею мудро и справедливо, хотя и лишен таких не свойственных ему христианских достоинств, как сострадание или потребность в нравственной чистоте. Таким образом, мы вправе предположить, что в романе “Мастер и Маргарита” Воланд олицетворяет собой идеальную Власть (как неизбежное зло), а Иешуа Га-Ноцри – идеального Человека, Личность (как недостижимое благо, добро).

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М.А. Избранное: Роман “Мастер и Маргарита” и другие. – М.: Худож. литература, 1980.– 400 с.
2. Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. 4-е изд. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1985.– 2535 с.
3. Аверинцев С.С. Иисус Христос // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – Т. 1. С.490-504.
4. Аверинцев С.С. Сатана // Там же. Т. 2. С.412-414.
5. Булгаков М.А. Правительству СССР // Мастер и Маргарита: Роман.– М.: Олимп; Издательство АСТ, 1996.– С. 497-500.
6. Бэлза И.Ф. Партитуры Михаила Булгакова // Вопросы литературы. 1991. N 5. С. 55-83.
7. Дневник Елены Булгаковой /Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина; Вступ. ст. Л.Яновской. М.: Изд-во “Кн. палата”, 1990. — 400 с. — (Из рукописного наследия).
8. Лакшин В.Я. Булгаков и Солженицын: К постановке проблемы // Лакшин В.Я. Берега культуры: Сборник статей. – М.: МИРОС, 1994. С. 263-269
9. Лакшин В.Я. О доме и бездомье (Александр Блок и Михаил Булгаков). Там же. С. 252– 262.
10. Маргулев А. “Товарищ Дант” и “бывший регент” // Литературное обозрение. 1991. N 5. С. 70-74.
11. Соколов Б.В. Роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита”: Очерки творческой истории. – М.: Наука, 1991. – 175 с. – (Сер. “Литературоведение и языкознание”).
12. Чудакова М.О. Булгаков, Сталин и Пугачев. “Таинственная связь” между властителем и жертвой // Русская мысль. 1995. N 4077. — С. 11-12.
13. Эткинд А.М. Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России. – М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс, 1994. – 376 с.

Калейдоскоп событий

19 января 2001 года был проведен Круглый стол с видеотрансляцией в Интернет на тему “Школьная медиатека: время пришло?!” В этот же день состоялся чат, участники которого рассуждали о проблемах компьютеризации, возможностях обучения школьных библиотекарей основам компьютерной грамотности и еще многих вопросах, волнующих библиотекарей школ. Более подробная информация о чате и Круглом столе будет опубликована в следующем номере “ШБ”.